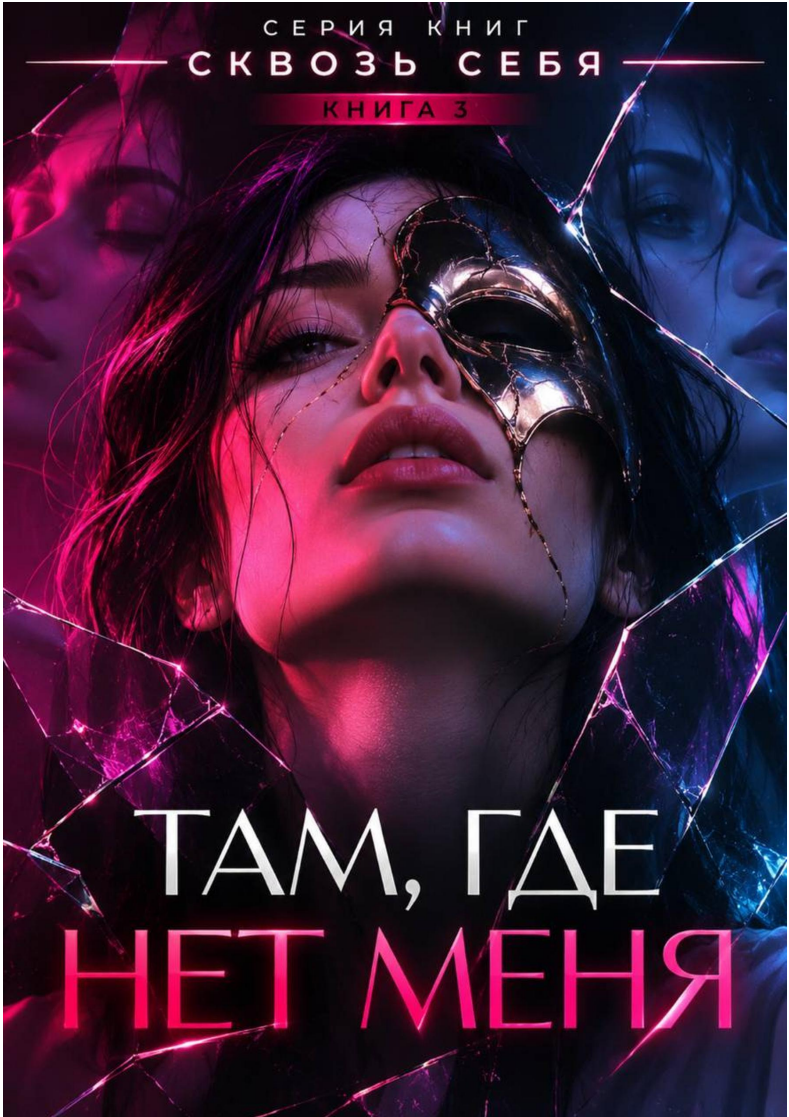

СЕРИЯ КНИГ
СКВОЗЬ СЕБЯ
КНИГА 3
ТАМ, ГДЕ
НЕТ МЕНЯ

Станислав Оушен
Там, где нет меня

https://litres.ru/74779534
SelfPub; 2026

Аннотация

В старом театре Марта привыкла спасать вещи, которые другие давно списали: платья с разошедшимися швами, выцветший бархат, записи забытых спектаклей. Но однажды ночью она слышит на собственной кухне два женских голоса. Оба принадлежат ей.

Пока театр готовится к закрытию, Марта сближается с Ильёй — человеком, рядом с которым ей всё труднее скрывать свои настоящие желания. А за дверями, которых будто не должно существовать, её ждут разговоры с теми частями себя, от которых она годами отворачивалась.

Чем сильнее становится любовь, тем опаснее попытка понять другого до конца. И что, если в поисках настоящей себя Марта однажды откроет дверь, за которой её не окажется?

«Там, где нет меня» — третья самостоятельная история серии «Сквозь себя»: психологический роман о близости, границах личности и тайнах памяти.

Содержание

Глава 1. Голос на кухне 4
Глава 2. Пятая дверь 11
Глава 3. Шов 17
Глава 4. Чертог желания 22
Глава 5. Два места за столом 28
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Станислав Оушен
Там, где нет меня

Глава 1. Голос на кухне

— Не пускай его.

Марта открыла глаза.

На кухне кто-то говорил. Два женских голоса: один ближе к двери, второй, кажется, у окна. Марта лежала и слушала. Половица под холодильником обычно поскрипывала, когда по ней проходили, но сейчас никто не двигался.

— Она сама откроет, — ответила вторая.

Марта села на кровати. Телефон показывал 4:17. За стеной жил пожилой сосед, который вставал в пять и никогда не разговаривал, пока не выпьет кофе. Других жильцов в квартире не было.

— Кто здесь?

На кухне замолчали.

Она встала, накинула халат и босиком прошла по коридору. Плитка была ледяной. Вчера она опять забыла закрыть форточку, и теперь занавеска колыхалась над пустым столом. Под раковиной постукивала капающая труба.

Никаких женщин.

Марта дёрнула ручку входной двери. Оба замка были за-

перты. На верхнем торчала связка с синей пластиковой биркой. Бирке было лет пять; когда-то Марта повесила её, чтобы не путать ключи, и так и оставила.

Она выпила воды из-под крана. От холодного глотка заболели зубы.

Потом вернулась в спальню и долго лежала, глядя на полоску света под дверью.

Голос первой женщины был её собственным.

Она вспомнила, как отчитывала по телефону поставщика, который третью неделю обещал доставить тесьму. С тем же холодным спокойствием говорила первая женщина.

Второй голос тоже принадлежал ей.

Вторым голосом она не пользовалась уже много лет. Он звучал выше, а на конце слов почти всегда появлялась улыбка.

Утром ничего странного не произошло. Чайник нагрел воду, хлеб оказался вчерашним, сообщение от начальницы пришло в обычные восемь десять.

«Марта, сегодня к двенадцати. Не забудь коробки для третьей гримёрки. И у нас снова протекло наверху».

Она ответила: «Помню».

Марта написала «помню» и только после этого проверила календарь. Про протечку она узнала из сообщения.

Она занималась костюмами в старом крыле городского театра. Не шила новые платья для главных ролей — это делали другие. Её вызывали, когда требовалось спасти то, что

уже перестало быть красивым: распоротый шов, выгоревший бархат, облезшую тесьму, застёжку, которую неизвестно кто заменил проволокой.

В марте старое крыло закрывали на реконструкцию. Вернут ли костюмерную на место, никто не знал. Марта выносила старые костюмы, Клара Павловна диктовала, куда что ставить, и три раза за утро они потеряли одну и ту же коробку.

К одиннадцати двадцати Марта уже стояла на лестнице с коробкой металлических крючков под мышкой. Ступеньки были узкие, чугунные, стёртые посередине. На четвёртой нога привычно искала опору, которой не хватало: ремонтники сняли накладку, обещали заменить и забыли.

— Опять прыгаешь? — спросила Клара Павловна из-за двери.

— Учусь летать без финансирования.

— Когда научишься, сначала вынеси двадцать третий костюм. Он весит как твоя совесть.

Клара Павловна руководила мастерской ещё тогда, когда Марта приходила сюда школьницей помогать с декорациями. Чайник она называла бездельником: тот закипал только после третьего нажатия кнопки.

Марта поставила коробку под стол. На манекене висело женское пальто, тёмное, с длинными рукавами. Вчера она выпорола из подкладки старый жёсткий воротник. Сегодня нужно было пришить новый. Красную нитку от временной намётки она намотала на палец и забыла снять.

— В дальний коридор пока не ходи, — сказала Клара Павловна. — Там обследуют перекрытия.

— Кто?

— Люди, которые понимают, почему у нас всё ещё не упал потолок. В идеале.

Марта усмехнулась. Из коридора донёсся тяжёлый удар, потом ещё два. Кто-то переставлял металлические конструкции. Старый театр отвечал ему долгим деревянным гулом.

На кассете была запись спектакля, который в театре давно не ставили. Половина дорожки шипела; вторая хранила голос женщины, произносившей: «Останься». Женщина повторила слово трижды с разной интонацией. Так когда-то готовили актёров к спектаклю.

Марта остановила ленту.

— Опять эти архивы? — спросила Клара Павловна.

— Хочу понять, что можно оставить для выставки.

— Выставки не будет, если не сдадим помещение. Тут высказывания в картонных коробках не помещаются.

Перед закрытием директор собирался устроить вечер для зрителей: выставить костюмы, фотографии, афиши, открыть несколько служебных помещений. Марте поручили смонтировать звук из старых репетиций. Она согласилась и лишь вечером вспомнила спросить про оплату.

Издалека послышались голоса мужчин.

— Здесь всё держится на доверии, — сказал один.

— Нет, — ответил другой. — На болтах. Доверие мы уже

проверили.

Марта подняла голову. Ей понравился второй голос: невысокий, чуть охрипший, без попытки понравиться.

Дверь костюмерной приоткрылась. Мужчина в рабочей куртке заглянул внутрь, придерживая косяк. Рулетка у него на поясе стукнула о дверную ручку.

— Извините. Мне сказали, здесь есть старый план крыла.

— Вон шкаф, — сказала Клара Павловна. — Если найдёте план, сможете заодно найти человека, который нам его должен.

Мужчина засмеялся — не сразу, зато по-настоящему.

Марта смотрела, как он отодвигает от шкафа стойку с пальто, осторожно, чтобы не задеть рукава. У него на запястье была узкая белая полоска от старого пореза. На манжете левого рукава не хватало пуговицы.

— Я могу помочь, — сказала она.

Он обернулся.

— Можете показать, что здесь нельзя трогать.

— Это проще. Почти всё.

— Тогда я уже нарушил правила.

Он указал на стойку.

— Вы передвинули её аккуратно, — сказала Марта. — Пока помилованы.

Мужчина представился: Илья. Он занимался сценическими механизмами, лестницами, подъёмниками, дверями, которые в спектакле должны были открываться без усилия.

Здесь его наняли оценить старые перекрытия и придумать, как вывезти тяжёлые конструкции, не разрушив сам дом.

На обычного героя романтической истории он не походил. На щеке у него была красная полоска от шарфа, волосы пахли улицей. Когда он наклонился к шкафу, из кармана выпала упаковка дешёвых пластырей.

Марта подняла её.

— Выбираете работу по степени травмоопасности?

— Иногда она выбирает меня первой.

Пальцы соприкоснулись, когда она отдавала ему пластыри. Марта убрала руку: ногти были в чёрной краске, а крем после утренней спешки так и остался на полке в ванной.

Илья нашёл план, сфотографировал и ушёл в коридор. Перед дверью он постучал костяшками пальцев по косяку: три раза быстро, один — чуть медленнее.

Марта застыла с иглой в руке.

Три быстрых удара. Один медленнее. Марта стала вспоминать кухню, тёмный коридор, закрытые замки.

Она ещё не успела решить, что это значит, когда Клара Павловна велела принести другой манекен. Марта встала, зацепилась ниткой за край стола и уколола большой палец.

Капля крови выступила почти сразу.

Кровь испачкала белую подкладку. Марта выругалась и потянулась за салфеткой.

И только тогда до неё дошло: на кухне ночью никто не стучал.

Только голоса.

Глава 2. Пятая дверь

Крыло театра заканчивалось коридором, в который зрители никогда не попадали.

Справа тянулись окна на кирпичную стену соседнего дома, слева — кладовые. Весной между кирпичами появлялась полоска мха. Марта замечала её каждый год и всякий раз удивлялась, что стену так и не почистили.

Марта знала в этом коридоре четыре настоящие двери. Ещё одну кто-то когда-то нарисовал на оштукатуренной стене: простая рама, ручка и замочная скважина. В детстве Марта пыталась открыть её плоским ключом от школьного шкафчика. Краска отслаивалась, ключ царапал известку, дверь не двигалась. На стене под нарисованной ручкой кто-то из детей оставил едва заметные четыре штриха. Марта провела по ним ногтем: три коротких, последний длиннее. Тогда она считала, что это счёт до начала репетиции.

Сейчас на полу лежали доски, а у нарисованной ручки стоял Илья.

— Не трогайте, — сказала Марта.

Он отнял руку.

— Я ничего не трогаю.

— Здесь все так говорят.

Она подошла ближе. Ему пришлось отступить, чтобы пропустить её между мешками со строительным мусором. Меж-

ду их плечами осталось совсем мало места. Она уловила запах мокрой ткани и древесной пыли. Илья удержал в руках тяжёлую папку, которую ветер из разбитого окна пытался закрыть.

— Эта дверь нарисованная, — сказал он.

— Вы наблюдательный.

— А вот дальше по коридору есть настоящая. На плане её нет.

Марта посмотрела туда, куда он показывал. За последней стойкой стояла старая ширма, составленная из трёх рам. За ширмой виднелась рама ещё одной двери — заколоченной листом фанеры.

Она много лет ходила по этому коридору, но не помнила, чтобы там что-нибудь было.

— Это кладовка, наверное.

— Может быть. Мне нужно проверить стену. Не хочу вскрыть то, что принадлежит театру и о чём никто не предупредил.

— У нас обычно сначала вскрывают, потом предупреждают.

Он посмотрел на неё чуть дольше, чем было необходимо.

— Тогда вы мне пригодитесь.

— В качестве предупреждения?

— В качестве человека, который знает этот дом.

Она собралась ответить дерзостью и вдруг обнаружила, что про Илью знает только ремесло, запах холодной куртки и

то, как он уходит от спора, если считает его бессмысленным.

На фанере обнаружилась старая металлическая табличка. Буквы стёрлись. Марта присела, провела по ним пальцами и прочла: «КОМНАТА ДЛЯ ОЖИДАНИЯ».

— Кого здесь ждали? — спросил Илья.

— Иногда людей, иногда денег. С деньгами хуже получалось.

Он не засмеялся.

— Вы правда знаете?

Марта качнула головой.

— Нет. Я слишком часто здесь бывала, чтобы задавать вопросы.

В этот момент из-за фанеры донёсся тихий скрип.

Илья поднял фонарик.

— Мыши?

— У нас даже мыши должны проходить прослушивание, — сказала она.

Скрип повторился. Теперь Марта услышала в нём что-то другое: длинный выдох, похожий на звук ткани, которую тянут по полу.

Она ушла первой.

В костюмерной всё было знакомо. Платья на манекенах, кружки с засохшими следами чая, клубок красной нитки на столе. Синяя лампа, под которой проверяли потёртости ткани, мерцала неровно. Марта села перед пальто и взяла иглу.

Через полчаса красная нитка оказалась пришита к под-

кладке так плотно, что пришлось распарывать всю строчку.

— Ты где сегодня летаешь? — спросила Клара Павловна.

— Внутри шва.

— Неудобное место. Выбирайся.

Вечером Марта осталась до восьми, чтобы дослушать архив. На кассетах попадались куски репетиций, телефонные поздравления, технические записи о поломанном микрофоне. Один старый артист полминуты возмущался, что ему снова дали чужой стул, а потом вдруг тихо сказал в пустоту: «Мне нужно, чтобы хоть что-нибудь оставалось моим».

Марта перемотала назад.

Фраза прозвучала тем же голосом.

Она переписала её на бумажку. Хотелось использовать в будущей композиции, но она не знала, кто именно это сказал и можно ли вообще отдавать чужое одиночество публике.

Перед уходом она заглянула в дальний коридор. Из открытого окна тянуло дождём, хотя дождя ещё не было. Фанера на заколоченном проёме стояла на месте. Илья ушёл. На полу осталась полоска белого малярного скотча с надписью «НЕ ВСКРЫВАТЬ ДО ОСМОТРА».

Марта нажала ладонью на фанеру.

Дерево было тёплым.

Не от батареи — батареи здесь не работали. От чьей-то руки, которая, казалось, только что лежала с другой стороны.

— Есть кто? — спросила Марта.

Ответа не было.

Она уходила по лестнице, когда услышала позади три быстрых удара и один длинный.

Внизу уже гасили свет. Она спустилась до площадки, остановилась и подняла голову.

На четвёртой ступеньке всё так же не хватало накладки.

Ни одной чужой ноги рядом не было.

Дома она не стала рассказывать себе привычную историю о переутомлении. Она пришла, поела холодную гречку, вымыла руки и поставила телефон на зарядку. Под кроватью лежала коробка с вещами матери, которую Марта обещала разобрать ещё в январе. Из неё торчала старая школьная тетрадь в зелёной обложке.

Марта вынула тетрадь. На первой странице было написано её почерком:

«Если за дверью кто-то есть, сначала спроси, можно ли войти».

Страница была датирована тем годом, когда ей исполнилось четырнадцать.

Она вспомнила игру. Когда мама закрывалась в комнате, чтобы работать, Марта стучала три раза быстро и один медленно. Это значило: «Я здесь. Я могу подождать». Мать отвечала двумя ударами, если можно было войти. Одним — если нужно оставить её в покое.

Марта долго сидела с тетрадью на коленях.

Когда она была ребёнком, этот условный язык казался ей гораздо честнее обычных слов.

Потом она выросла и перестала им пользоваться.

Ей хотелось спросить Илью, откуда у него такая же привычка стучать в двери.

Она нашла его номер в рабочем чате.

Написала: «Вы сегодня ушли через дальний коридор?»

Стёрла.

«Вам удалось понять, что за дверью?»

Стёрла тоже.

Она положила телефон экраном вниз. Ладонь всё это время лежала на тетради, прикрывая последнюю строчку.

Под датой стояли ещё два слова.

«НЕ ПУСКАЙ».

Глава 3. Шов

В понедельник утром Марта принесла в театр две вещи: пачку новых игл и школьную тетрадь, которую не собиралась никому показывать.

Илья сидел на корточках у разобранной лестницы и стучал ногтем по жёлтому уровню. Пузырёк упрямо уходил влево. Он выругался и подложил под опору тонкую пластину.

— Вы умеете отвечать на странные вопросы? — спросила Марта.

— Зависит от вопроса.

— Почему вы стучите три раза быстро и один медленно?

Он посмотрел на неё, потом на косяк.

— Я так стучал?

— Дважды.

— Похоже, заразился от вас.

— От меня?

— В пятницу вы постукивали по дверце шкафа, пока я искал план. Я подумал, местная привычка. Решил поддержать.

Марта открыла рот и закрыла. В пятницу она стояла возле шкафа, ждала, когда освободится проход, и могла постукивать ногтем по деревянной раме. В такие моменты руки часто делали что-нибудь сами. Она помнила, как это было в детстве, но не помнила пятницу.

— И вы так же стучали перед выходом?

— По-моему, да. Есть проблема?

— Нет, — сказала Марта. — Совсем нет.

Илья снова взял уровень.

— Я не обидел кого-то, кому этот стук предназначался?

Он сказал это без улыбки. Странным образом её успокоило, что незнакомый человек допустил возможность чужого смысла там, где сам ничего не имел в виду.

— Не обидели.

Уходя, Марта задела плечом развешенные по стене образцы ткани. Тяжёлая тёмная парча качнулась и остановилась.

Клара Павловна уже сидела за столом. В кружке у неё плавал ломтик лимона. Оказалось, что за выходные кто-то снова перенёс шкаф с пуговицами в другое помещение.

— Найди, куда дели ящики, — сказала она. — Иначе буду пришивать всем героям застёжки из канцелярских скрепок.

Марта ушла искать. Шкаф обнаружился возле запасного выхода, накрытый плёнкой. На одном ящике белым мелом было написано «НАДО». На другом — «МОЖНО ПОЗЖЕ». Третьего не было.

Марта открыла один ящик, потом другой. В первом нашлись пуговицы и три ржавых крючка, во втором — катушки не того цвета. Третий так и не обнаружился. Ей стало досадно: ровно так же она неделями перекладывала свои дела и никак не могла закончить ни одного.

Она дотронулась до последнего ящика и почувствовала неприятный жар в ладони.

— Марта, — окликнули из коридора. — Там ваша тележка застряла.

Она обернулась. Илья стоял у порога и придерживал колёсико тележки ботинком.

— Можно её разобрать?

— Если соберёте обратно.

— У меня не всегда получается.

— Спасибо за честную рекламу.

Илья снял крепление тележки, вытащил намотанную на ось нитку и закрутил всё обратно. Колесо всё ещё вело вбок. Он хотел оставить ключ для гайки, но Марта отказалась. С чужими инструментами она потом обязательно что-нибудь теряла.

— Вы боитесь долгов? — спросил он.

— Только когда они растут быстрее зарплаты.

— Я про другие.

Она посмотрела на него.

— Вы всем задаёте такие вопросы?

— Нет. Но я сейчас задал слишком личный. Извините.

Илья поднялся и ушёл. На этот раз не постучал.

До обеда Марта сумела пришить к пальто новую подкладку. Она использовала чёрную нитку, но красную оставила внутри шва как контрольную метку. Если подкладку придётся распарывать ещё раз, по этой нитке будет проще найти место старого ремонта. У горловины остался короткий кончик. Марта поддела его иглой, собираясь убрать, и переду-

мала. Со сцены его никто бы не заметил.

Марта застегнула пальто на манекене. Ей вспомнился Олег. В двадцать пять лет она помогала ему собирать вещи для переезда: нашла квартиру, договорилась о машине, составила список коробок. Он ничего из этого не просил. Тогда ей казалось, что она избавляет его от лишних хлопот.

В тот вечер он сказал:

— Ты всё придумала. Даже то, почему я уезжаю.

— Я просто пытаюсь помочь.

— Ты не помогаешь. Ты решаешь за меня, что я чувствую.

Она тогда обиделась. Назвала его неблагодарным. Три дня не брала трубку, надеясь, что он наконец произнесёт объяснение, которое она для него уже написала в голове.

Объяснения не было.

Потом она ещё месяц прокручивала их последний разговор, каждый раз придумывая себе более удачную реплику.

Вечером Илья снова заглянул в костюмерную. Принёс отремонтированную накладку для четвёртой ступени. Показал Кларе Павловне счёт, получил подпись и неожиданно спросил Марту:

— Вы завтра работаете до вечера?

— Как обычно. А что?

— В одном месте делают хороший суп. Я собирался зайти после работы. Можем поужинать, если хотите.

Она чуть не уронила игольницу. Пришлось поставить её на стол и прижать ладонь к фартуку.

— Это приглашение на свидание?

— Я пока просто предложил суп.

— Уклоняетесь.

— Потому что вы спросили раньше, чем я успел понять, чего хочу.

Он стоял совершенно серьёзный. Марта рассмеялась первой.

— Хорошо. Давайте суп.

— Тогда в семь. Я напишу адрес.

Она ожидала, что он добавит красивую фразу. Не добавил. Спросил разрешения забрать лестницу и ушёл к рабочим.

Сняв пальто с манекена, Марта увидела под воротником красный кончик нитки. Потянулась за ножницами, но ножницы куда-то исчезли. Она махнула рукой.

Завтра всё равно придётся проверять подкладку ещё раз.

Дома на кухне было тихо.

Она поставила тарелку на стол, открыла сообщения и обнаружила адрес супной. Под ним стояло: «Если передумаете, ничего страшного».

Марта ответила: «Пока не передумала».

Потом выключила свет в коридоре.

Уже у спальни ей показалось, что кто-то тихо постучал изнутри закрытого шкафа. Три раза. Пауза. Один.

Она не открыла.

Глава 4. Чертог желания

На следующий день Марта заперлась в старой гримёрке, чтобы разобраться с аудиокассетами.

В гримёрке стояло зеркало в рост человека. Половина ламп не горела; в отражении лицо Марты с одной стороны было ясным, с другой почти исчезало. Стул под ней скрипнул, и она пересела на край, где кожа не треснула.

Она вставила кассету в магнитофон.

Голос женщины произнёс:

— Я готова.

Щелчок. Шорох. Вторая попытка:

— Я готова.

Ещё щелчок.

Тот же голос, теперь громче:

— Я готова быть той, кого ты захочешь.

Марта остановила запись. На коробке было написано «Репетиция. Комната № 4». Без даты, без названия спектакля. Женщина говорила её голосом. Не похожим — своим.

Официально Марта работала в театре с девятнадцати лет. До этого приходила сюда ещё школьницей — помогала с декорациями, таскала коробки, иногда подавала реплики актёрам за кадром. Позже её просили и проверить звук. Но она не помнила этих слов и этой записи.

Она попробовала снова включить ленту.

Магнитофон загудел. Лампы вокруг зеркала мигнули. Марта подняла глаза и увидела вместо собственного отражения дверь.

Большую, тяжёлую, обитую тёмным бархатом. На месте ручки висело тонкое серебряное кольцо. По обе стороны от неё стояли высокие подсвечники, только пламя в них было белым, без жёлтой сердцевины.

Она не закрывала глаза. Не падала в обморок. Чувствовала стул под собой, неровный шов на джинсах, холодную ручку магнитофона под пальцами. И всё же дверь была перед ней.

Марта коснулась кольца.

Бархат шевельнулся под её ладонью, как ткань на плечах живого человека.

За дверью был зал с десятками маленьких столиков. На каждом лежала знакомая вещь: красные туфли из закрытого магазина, ключ от квартиры с широким подоконником, билет в город, куда Марта собиралась десять лет, письмо с её именем. На дальнем столике — белая рубашка Ильи.

Рубашку он ещё ни разу не надевал при ней.

— Ну здравствуй, — сказал кто-то.

Из-за колонны вышла женщина с её лицом. Волосы были распущены; на запястье висела красная нить. Женщина не улыбалась. Она рассматривала Марту так, как рассматривают платье на манекене: пытаясь понять, где лишняя складка.

— Кто ты?

— Ты спрашиваешь так, будто это первый раз.

— Я здесь не была.

— Тогда откуда ты знаешь, где дверь?

Марта обернулась. Дверь осталась открытой, но за ней больше не было гримёрки. Тянулся коридор с теми же столиками, только всё становилось меньше, как в зеркалах, поставленных друг против друга.

— Ты хочешь Илью, — сказала женщина.

— Я почти его не знаю.

— У тела нет такого расписания.

Марта наклонилась к ткани. Рубашка пахла мылом и морозным воздухом. Она не могла знать этот запах: Илья ещё ни разу не приходил к ней домой.

— В этой комнате ты можешь знать заранее, что будет дальше, — сказала женщина. — Можешь услышать, что он скажет при первом поцелуе. Можешь не ждать ответа на сообщения. Можешь прожить любой вечер до того, как он начнётся.

— И что за это нужно?

— Одно условие. Не спрашивай у него того, на что он может ответить неприятно.

Марта засмеялась. Смех вышел резким.

— Это похоже на плохую сделку.

— Это похоже на половину твоих отношений.

Женщина сложила рубашку. На пальцах у неё были старые уколы, как у Марты. От этого сходства становилось осо-

бенно неловко.

Из глубины зала донёсся звук открывающейся двери. Илья вошёл, не снимая куртки, и остановился перед столиками. На губах у него была та улыбка, которую Марта запомнила у шкафа.

— Я пришёл, — сказал он.

Марта сделала шаг навстречу.

Женщина коснулась её плеча.

— Не торопись. Здесь он всегда останется.

Марта едва не схватила протянутую руку. Она не знала, как он целуется, любит ли спорить по пустякам и способен ли однажды обмануть. Здесь, в этом зале, ничего узнавать не требовалось. Можно было просто принять его руку.

Она отступила.

— Он не настоящий, — сказала Марта.

— Настоящий — это тот, кто может уйти?

— Если я сейчас до него дотронусь, ты заставишь его остаться?

Женщина откинула волосы с лица. Теперь она смотрела на Марту совсем без насмешки.

— Ты и сама неплохо справляешься, — сказала она. — Пока только мысленно.

Столики исчезли.

Марта сидела в гримёрке. Магнитофон щёлкал пустой кассетой. Лампы вокруг зеркала горели ровно, все до одной. На щеке у неё был влажный след. Она провела по нему паль-

цами и обнаружила, что плачет.

На часах было шесть двадцать. Илья ещё в пять прислал: «Я буду вовремя. Если задержитесь, напишите». Марта раздражённо перечитала сообщение. Ни намёка, как он провёл день и ждёт ли встречи так же, как она.

Она вышла в коридор. Клара Павловна уже выключала свет.

— Ты что такая бледная? — спросила она.

— В гримёрке душно.

— Ты там опять слушала свои страшилки?

— Какие?

Клара Павловна пожала плечами.

— Театральные записи. Одни и те же слова по пятьдесят раз. После них и я бы с ума сошла.

Марта хотела спросить, кто оставил кассету. Не спросила: уже слышала, как Клара Павловна назовёт архивным хламом всё, что ей не пригодилось.

На улице шёл дождь. Тротуар блестел, воздух пах сырой пылью. Марта остановилась под навесом и позвонила Илье.

Он ответил почти сразу.

— У меня проблема с маршрутом, — сказала она.

— Пробка?

— Нет. Я только что придумала за вас половину сегодняшнего вечера. И мне не понравилось, как всё закончилось.

Илья помолчал.

— Я пока даже не вышел из мастерской.

— Знаю. Извините. Это звучит странно.

— Немного. Но я могу предложить более простой вариант: вы приходите, мы едим суп. А там посмотрим.

Она прислонилась к холодному стеклу остановки.

— А если мне захочется уйти раньше?

— Скажете. Я, может, тоже захочу.

Марта улыбнулась. У водителя автобуса, тормозившего у остановки, было такое недовольное лицо, что ей захотелось рассмеяться ещё раз.

— Тогда я буду в семь.

Она убрала телефон. На стекле остановки отражалась женщина в тёмном пальто. На долю секунды ей показалось, что отражение повернуло голову позже, чем она сама.

Она отвернулась от стекла и пошла к остановившемуся автобусу.

Глава 5. Два места за столом

Суп оказался острым.

Марта сделала первый глоток и закашлялась. Илья протянул ей воду, но поставил стакан слишком близко к краю стола. Она успела поймать его прежде, чем тот опрокинулся.

— Хорошее начало, — сказала она.

— Я предупредил, что умею плохо чинить чужие планы. Про стаканы ничего не говорил.

Они сидели в маленьком кафе возле автобусной станции. На стенах висели старые фотографии города: узкие улицы без машин, люди с чемоданами, трамвай, который перестал ходить ещё до её рождения. Из кухни пахло жареным луком, а за соседним столом женщина объясняла подростку, что телефон сам себя не оплатит.

Илья снял куртку и повесил на спинку стула. Под ней оказалась тёмная рубашка. Не белая.

Марта перестала давить ложкой гренку. Ещё утром она была уверена, что Илья придёт в белой рубашке. Теперь перед ней сидел мужчина в тёмной, с неровно застёгнутым манжетом.

— Что? — спросил он.

— Ничего. Я думала, вы придёте в другом.

— В костюме?

— В рубашке другого цвета.

— Это вы так нервничаете?

Она посмотрела на него.

— А вы?

— Я по дороге проверял, нет ли пятен на рукавах. Получается, да.

Оба засмеялись. Про гримёрку Марта ему не рассказала. Скажи она хоть половину — пришлось бы объяснять голоса, дверь, то, почему ей знакома чужая рубашка. А ей хотелось поесть супа и не выглядеть человеком, которому срочно нужен врач.

— Вы давно работаете в театрах? — спросила она.

— То в одном, то в другом. Конструкции, механика, безопасность. До этого делал торговые павильоны. Там тоже всё должно стоять ровно, только люди реже изображают королей.

— Не уверена. У нас на рынке полно королей.

Он улыбнулся. В этот раз Марта заметила маленькую складку возле левого глаза, которой не было, когда он хмурился над уровнем.

Илья рассказал о мастерской на окраине города, двух напарниках, которые спорили из-за места для инструментов, и о том, как однажды заказчик потребовал, чтобы тяжёлая декорация открывалась сама по себе, без мотора, троса и человека за кулисами.

— Чем закончилось?

— Я отказался от заказа. Напарник сказал, что я просто

не умею договариваться.

— А вы?

— Сказал, что хорошо договариваться с человеком, который понимает слово «вес».

Марта промолчала. Она давно заметила, что хороший мастер на работе вполне может оказаться невыносимым дома. Но ей всё равно понравилось, как Илья сказал «отказался».

— У меня было наоборот, — сказала она. — Я всегда соглашалась на работу, а потом пыталась доказать, что цена несправедливая.

— И что, получалось?

— На меня обижались. Потом я научилась говорить цену сразу.

Он кивнул.

— Звучит полезно.

Марта ждала, что он её похвалит. Он лишь допил воду и придвинул тарелку.

К середине вечера они перешли на «ты». Это произошло, когда она попросила передать соль, а Илья не услышал из-за кофемолки. Она повторила громче:

— Ты мне соль передашь или мне придётся перейти стол по диагонали?

Он передал, даже не улыбнувшись. Потом сказал:

— Мне нравится, что ты не ждёшь, пока я угадаю.

Она опустила глаза.

Те же слова когда-то сказал Олег. Правда, в другой вечер,

с другой интонацией. А через полгода признался, что не может догадаться, когда ей нужна помощь, а когда она просто хочет, чтобы её оставили в покое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.